

БИОГРАФИЯ ВАССИАНА ПАТРИКЕЕВА

I

Полной биографии Вассиана Патрикеева нет¹. Исследователей творчества Вассиана привлекал обычно поздний отрезок его биографии, когда после смерти Нила Сорского Вассиан стал признанным руководителем и виднейшим публицистом нестяжателей. Раннего же периода биографии Вассиана, до пострижения его в монахи, касались, как правило, лишь историки, интересовавшиеся вопросами политической борьбы конца XV века. Между тем этот период в жизни Вассиана несомненно заслуживает внимания, ибо направление политической деятельности молодого князя Василия Ивановича Патрикеева помогает понять последующую общественную и публицистическую деятельность инока Вассиана.

Чтобы показать атмосферу среды, в которой рос Василий Иванович Патрикеев и которая, конечно, оказала влияние на формирование его политических симпатий и антипатий, проследим данные, характеризующие служебную деятельность и политическое лицо представителей рода Патрикеевых².

Родоначальником князей Патрикеевых был литовский князь Патрикий Нариманович, внук Гедимины, который в

¹ Три опубликованных до сих пор биографических очерка (Н. И. Костомаров. Преподобный Нил Сорский и Вассиан, князь Патрикеев. В кн.: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. I. Пг., 1915, стр. 332—339; И. Хрущов. Князь-инок Вассиан Патрикеев В изд.: Древняя и Новая Россия, 1875, № 3, стр. 264—276; В. Боцяновский. Вассиан Патрикеев. В кн.: Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. IV, СПб., 1895, стр. 184—189) слишком кратки и не освещают всех сторон общественно-политической деятельности Вассиана Патрикеева.

² Сводка данных о служебной и политической деятельности Патрикеевых дана Л. В. Черепниным (Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II. М., 1951, стр. 306—308).

1383 году выехал из Литвы в Новгород и был принят новгородцами в качестве служилого князя³. Сын Патрикия, князь Юрий Патрикеевич, поступивший на службу к великому князю московскому Василию Дмитриевичу, женился на его дочери⁴ и вошел, таким образом, в ряды высшего московского боярства. Юрий Патрикеевич был доверенным лицом как великого князя Василия Дмитриевича, так и его сына Василия Васильевича Темного. Его имя встречается на первом месте в великокняжеских духовных грамотах⁵. Во время феодальной войны, потрясшей Русское государство во второй четверти XV века, Юрий Патрикеевич неизменно находился на стороне великокняжеской власти. В 1433 году Юрий Патрикеевич был послан из Москвы к Костроме против ратей удельного князя Юрия Дмитриевича Галицкого и попал к нему в плен⁶. В 1439 году, когда Василий Темный отправился в поход против татар, Юрий Патрикеевич оставался в Москве в качестве воеводы⁷. В 1445 году, по возвращении из татарского плена, великий князь остановился на дворе Юрия Патрикеевича, очевидно, как ближайшего к нему боярина⁸.

Активную службу при московском великокняжеском дворе продолжал и сын Юрия Патрикеевича, князь Иван Юрьевич. В качестве воеводы он не раз возглавлял московские рати: в 1445 году против татар, подошедших к Оке⁹; в 1459 году против Вятки, которая была подчинена Москве в результате его похода¹⁰; в 1468—1469 годах против Казани¹¹. В 1480 году во время нашествия Ахмата, когда великий князь пошел навстречу татарам, в Москве в качестве наместника оставался князь Иван Юрьевич¹². Иван Юрьевич выполнял и поручения дипломатического характера. Так, в 1478 году он деятельно участвовал в переговорах между Иваном III и Новгородом, закончившихся подчинением Новгорода великокняжеской власти, а в январе 1479 года вместе с несколькими доверенными боярами приводил новгородцев к присяге великому князю¹³. В 1487 году Иван Юрьевич

³ ПСРЛ, т. IV, вып. 2. 1925, стр. 339.

⁴ Родословие литовских князей. В кн.: Р. П. Дмитриева. Сказания о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, стр. 204—205.

⁵ СГГД, т. I. М., 1913, №№ 41—42.

⁶ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 174.

⁷ Там же, стр. 190.

⁸ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 114.

⁹ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 271.

¹⁰ ПСРЛ, т. IV, вып. 2, стр. 492.

¹¹ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 132.

¹² Там же, стр. 153.

¹³ ПСРЛ т. VI. СПб., 1853, стр. 209—214.

принимал у себя во дворе литовского посла¹⁴. В 1492—1494 годах в качестве «наивысшего воеводы государя» он вел переговоры с литовскими послами¹⁵. Деятельность Ивана Юрьевича не ограничивалась военно-дипломатическим поприщем. В 90-х годах он возглавлял боярскую судебную коллегию в Москве, являвшуюся высшей судебной инстанцией¹⁶. Таким образом, Иван Юрьевич играл видную роль в управлении Русским государством конца XV века: он был одним из тех государственных деятелей, при помощи которых Иван III проводил политику государственной централизации.

Об интимной близости семьи Патрикеевых к великокняжескому дому свидетельствует тот факт, что в 1492 году, когда Иван III на месте своего старого деревянного двора решил строить новый каменный, то он вместе с семьей переселился в палаты Ивана Юрьевича¹⁷. Имя Ивана Юрьевича Патрикеева в качестве свидетеля читается в духовных грамотах Василия Темного¹⁸.

Являясь одним из ближайших доверенных бояр великих князей, Иван Юрьевич не был связан с удельно-княжеской оппозицией и, по-видимому, относился к ней отрицательно. Так, когда в 1488 году к нему обратился удельный угличский князь Андрей Васильевич с просьбой быть посредником в размолвке его с Иваном III, то Иван Юрьевич отказался принять на себя посредничество, что, возможно, свидетельствует о его враждебности к удельным князьям¹⁹.

Общественно-политическую деятельность Ивана Юрьевича продолжал его сын — князь Василий Иванович Патрикеев (по прозвищу — Косой), выполнявший в 90-е годы ряд ответственных, имевших государственное значение поручений. В 1493 году во время русско-литовской войны Василий Иванович Косой вместе со своим двоюродным братом, князем Даниилом Васильевичем Щеней (тоже из рода Патрикеевых), ходили под Вязьму и взяли ее²⁰, благодаря чему исход войны был предreshen в пользу Русского государства. В 1494 году после окончания переговоров о мире с Литвой, которыми с русской стороны руководил князь Иван Юрьевич

¹⁴ Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, стр. 5.

¹⁵ Там же, стр. 71, 72, 74—80, 82, 83, 87, 104—111, 113, 114, 116—124, 133—137, 149.

¹⁶ Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, стр. 42—43.

¹⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 160—161.

¹⁸ СГГД, т. I, №№ 86—87.

¹⁹ ПСРЛ, XII. СПб., 1909, стр. 219—220; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 307.

²⁰ ПСРЛ, т. IV, стр. 162.

Патрикеев, Василий Иванович Косой вместе с князем Семёном Рязанским и великокняжеским дьяком Федором Курицыным ездили в Вильно для торжественного утверждения мирного договора, который должен был быть скреплен браком дочери Ивана III Елены и великого князя литовского Александра. Послы успешно выполнили поручение и возвратились, как отмечает летописец, «с великою честью»²¹. Таким образом, князья Патрикеевы сыграли видную роль в заключении договора 1494 года, знаменовавшего крупный успех Русского государства в борьбе за возвращение захваченных некогда Литвою русских земель. За свои заслуги в 1495 году Василий Иванович был пожалован в бояре²².

В середине 90-х годов в связи с активизацией политики Русского государства по отношению к прибалтийским странам Василий Иванович получает новое задание: он назначается воеводой против шведов, война с которыми началась в 1496 году. В походе русских войск в Финляндию в январе — марте 1496 года Василий Иванович участвовал как воевода большого полка. Хотя взять Выборг русские рати не смогли, но они нанесли значительный урон войскам шведов и с большим «полоном» возвратились в Новгород²³.

Во второй половине 90-х годов Василий Иванович вместе со своим отцом, Иваном Юрьевичем, принимал участие в высшем суде: в период с 1495 по 1499 год правые грамоты представлялись на доклад князьям Патрикеевым, которые и выносили по ним судебные решения²⁴. Следует особо отметить, что в руках Патрикеевых находилось руководство высшей судебной инстанцией, созданной на основе Судебника 1497 года, сыгравшего важную роль в процессе строительства Русского централизованного государства²⁵.

Являясь сторонником великокняжеской политики, Василий Иванович активно участвовал в борьбе с удельно-княжеской оппозицией. Так, осенью 1491 года, когда Иван III расправился с угличским князем Андреем Васильевичем за его выступление против великого князя в 80-е годы, Василий

²¹ Там же, стр. 164.

²² Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 19.

²³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 231.

²⁴ Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 306.

²⁵ Отмечая близость Патрикеевых к великокняжеской власти и сосредоточение в их руках в конце XV века высшего суда, Л. В. Черепнин высказывает предположение о том, что Иван Юрьевич и Василий Иванович Патрикеевы участвовали в создании Судебника 1497 года и что им принадлежала основная роль в разработке его проекта (об этом подробнее см.: Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 308—314).

Иванович Патрикеев был послан в Углич с поручением арестовать детей опального князя²⁶.

Подводя итог рассмотрению общественно-политической деятельности князей Патрикеевых, Л. В. Черепнин пишет: «Итак, должны быть отмечены длительная связь Патрикеевых с московским великокняжеским домом, активное участие наиболее крупных представителей этой фамилии в борьбе великокняжеской власти с феодальной оппозицией, деятельность князя И. Ю. Патрикеева в качестве московского наместника, наконец, прямое отношение Ивана Юрьевича и Василия Ивановича Патрикеевых к вопросам суда»²⁷. Все это, по мнению Л. В. Черепнина, дает основание рассматривать деятельность Патрикеевых «как деятельность на данном этапе прогрессивную»²⁸. В свете приведенных выше фактов эта оценка представляется нам глубоко справедливой. Патрикеевы принадлежали к той части московского боярства, которая поддерживала политику государственной централизации и активно участвовала в строительстве Русского централизованного государства.

И тем более неожиданной представляется опала Патрикеевых, последовавшая в 1499 году и оборвавшая так блестяще начатую карьеру князя Василия Ивановича Косого.

Об опале князей Патрикеевых источники сообщают лишь глухие и отрывочные сведения. В летописях сообщение о ней помещается в ряду других известий, отражающих борьбу, происходившую при дворе Ивана III в 90-х годах XV века. Основные моменты этой борьбы следующие: после смерти в 1490 году старшего сына Ивана III, Ивана Ивановича, оказалось два претендента на московский престол — внук Ивана III, Дмитрий Иванович, и второй сын Ивана III, Василий Иванович. Но так как оба претендента были еще малы, то главную роль в династической борьбе играли их матери, Елена Волошанка и Софья Палеолог, и их сторонники. Особой остроты борьба достигла в 1497 году, когда группировка Софьи и Василия решилась на заговор с целью захвата великого княжества. Но заговор был раскрыт. Летописи сообщают, что Иван III наложил опалу на Софью и Василия и одновременно «в той вспалке» велел казнить их сторонников: Владимира Гусева, князя Ивана Палецкого Хруля, Поярка Руно, Щавя Скрябина Травина, дьяка введенного Федора Стромилова и Афанасия Еропкина. Вслед за этим был

²⁶ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 208—209.

²⁷ Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 308.

²⁸ Там же.

издан Судебник, а в феврале 1498 года Дмитрий Иванович был объявлен наследником престола и торжественно венчан на царство. Под 1499 годом в летописях читается известие об опале князей Патрикеевых и Ряполовских и о первой уступке Ивана III своему сыну Василию — о назначении его великим князем Новгорода и Пскова²⁹. В 1502 году Василий Иванович был объявлен великим князем всея Руси, а Елена Волошанка и Дмитрий Иванович, четыре года раньше объявленный наследником, посажены за приставы³⁰. Дополнительное сведение к рассказу летописей дает Степенная книга, устанавливающая связь между опалой Патрикеевых и возвышением Василия³¹.

Основываясь на данных летописей и Степенной книги, исследователи со времен Карамзина причины падения Патрикеевых усматривали в династической борьбе; при этом благодаря представлению о Софье как носительнице самодержавных идей и о Владимире Гусеве как составителе Судебника 1497 года, знаменовавшего собой усиление государственной централизации, сторонники Софьи и Василия, казненные в 1497 году, объявлялись приверженцами самодержавия, а князья Патрикеевы и Ряполовские — представителями боярско-княжеской оппозиции, группировавшейся вокруг Дмитрия Ивановича и Елены Волошанки. Этот взгляд в советской историографии развит И. И. Смирновым и А. А. Зиминным, которые политическую ориентацию обеих группировок объясняют главным образом социальным положением их участников: Патрикеевы и Ряполовские — представители княжеско-боярской аристократии, заговорщики 1497 года — потомки измельчавших княжеских и боярских родов, превратившиеся в типичных детей боярских³².

В последние годы традиционная точка зрения на характер политической борьбы конца XV века подверглась существенному пересмотру в работах Я. С. Лурье, Л. В. Черепнина и отчасти К. В. Базилиевича³³.

²⁹ ПСРЛ, т. XII, стр. 263—264.

³⁰ Там же, стр. 255.

³¹ См. ниже, стр. 44.

³² И. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, стр. 79—81; А. А. Зимин. Рецензия на книгу Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы». Советская книга, 1952, № 4, стр. 66—67; И. И. Смирнов. Рецензия на книгу К. В. Базилиевича «Внешняя политика Русского централизованного государства». Вопросы истории, 1952, № 11, стр. 142—143.

³³ Подробное изложение, а также аргументацию точки зрения названных авторов см.: Я. С. Лурье. Первые идеологи московского самодержавия.

Важнейшие выводы названных авторов следующие: 1) Владимир Гусев никакого отношения к составлению Судебника не имел; легенда об его авторстве возникла благодаря дефектности текста Типографской летописи³⁴; 2) несмотря на то, что Владимира Гусева и других заговорщиков 1497 года по их служебному и имущественному положению можно приравнивать к детям боярским, они являлись выразителями настроений удельно-княжеской оппозиции, с которой были соединены как семейными традициями (все они потомки бояр и князей, участников феодальных мятежей XV века), так и служебными и личными связями, тянувшимися к удельным центрам конца XV века³⁵; 3) хотя связь Василия с феодальными заговорщиками не означала действительной общности его интересов и партии Гусева, ибо эта связь была временной, тактической³⁶, тем не менее в создавшейся обстановке поражение Василия и коронация Дмитрия, которой предшествовало издание Судебника, являлись актами, знаменовавшими победу государственной централизации³⁷; 4) Дмитрий и Елена пали не потому, что они были выразителями настроений реакционного боярства, а в силу причин внешнеполитических, которые в общих чертах сводились к тому, что ссора Ивана III с женой и сыном могла неблагоприятно отразиться на ходе начавшейся русско-литовской войны³⁸; Я. С. Лурье в каче-

вия. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 78, 1948, стр. 95—106; К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 360—376; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 303—306, 315—317; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 165—168, 204—206.

³⁴ Я. С. Лурье показал, что текст Типографской летописи — «Того же лета князь великий Иван Васильевич и околничим и всем судьям а уложил суд судити бояром по Судебнику Володимера Гусева писати» — является дефектным; в нем слиты воедино обрывок известия об издании Судебника и дьяческая помета «Володимера Гусева писати», представляющая собою директиву к написанию рассказа о заговоре Гусева (см.: Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III. Уч. зап. ЛГУ, серия исторических наук, вып. 10, 1941).

³⁵ Феодальный характер заговора 1497 года особенно убедительно показан Л. В. Черепниным, собравшим большой материал, рисующий политическое лицо участников заговора (см.: Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 289—303).

³⁶ «Фигура великого князя Василия была нужна заговорщикам лишь для выступления против политики Ивана III, направленной к подавлению самостоятельности ряда феодальных центров. С другой стороны, Софье Палеслог и Василию Ивановичу выступление Гусева с сообщниками было нужно для борьбы с их соперником Дмитрием Ивановичем» (Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 294).

³⁷ Вопросы о значении коронации Дмитрия К. В. Базилевич не касается.

³⁸ Л. В. Черепнин, Я. С. Лурье и К. В. Базилевич дают различные варианты этой мотивировки.

стве одной из причин падения Дмитрия и Елены называет также их связь с еретиками; 5) причина опалы Патрикеевых — расхождение их с великим князем в литовском вопросе³⁹; Л. В. Черепнин указывает также на связь их с партией Дмитрия — Елены, Я. С. Лурье эту связь решительно отрицает.

Из сделанного историографического обзора видно, как противоречивы суждения исследователей о политической борьбе конца XV века. Эта противоречивость не случайна: она является следствием чрезвычайной скудости и отрывочности известных источников, дающих широкий простор для всевозможного рода толкований и гипотез. Однако, несмотря на это обстоятельство, основные выводы Л. В. Черепнина, Я. С. Лурье и отчасти К. В. Базилевича — в феодальном характере заговора 1497 года и прогрессивности победы Дмитрия и о падении его не в результате связи с реакционными элементами, а в силу изменения международной обстановки — представляются убедительными, ибо они основаны на изучении фактов служебной деятельности и личных связей участников событий и учтены не только внутреннего, но и внешнеполитического положения Русского государства. Сторонники же традиционной точки зрения исходят в оценке борьбы конца XV века не столько из живой исторической действительности, сколько из анкетных данных участников этой борьбы. Между тем, хотя этот критерий важен для определения политических симпатий и антипатий исторических деятелей, он не всегда является определяющим.

Мы полагаем, что при решении интересующего нас вопроса о роли Патрикеевых в политической борьбе конца XV века и, следовательно, о причинах их опалы следует руководствоваться не столько одним фактом принадлежности Патрикеевых к боярской знати, сколько той характеристикой их политического лица, которая устанавливается на основании изучения фактов их служебной и общественной деятельности⁴⁰. Как представители группировки боярства, тесно связанной с великокняжеской властью, Патрикеевы в 1497 году должны были выступить против Василия, чья фигура была использована оппозиционными элементами для борьбы с великокняжеской властью, на стороне Дмитрия, победа которого в сложившейся ситуации означала победу централизации.

О вероятности этого предположения свидетельствует и ряд косвенных данных. К числу их относится хронологическое сов-

³⁹ См. ниже, стр. 47.

⁴⁰ См. выше, стр. 36—40.

падение между опалой Патрикеевых, началом возвышения Василия — назначением его великим князем Новгорода и Пскова — и, следовательно, охлаждением Ивана III к Дмитрию. Это хронологическое совпадение, которое само по себе могло быть случайным, Степенная книга дополняет причинной связью. Составитель Степенной книги под 1499 годом сообщает, что великий князь Иван Васильевич начал «жаловати и любити» своего сына Василия и назначил его великим князем Новгорода и Пскова; так же он начал «любити и жаловати» великую княгиню Софью и «сожительствовати с нею, яко же и прежде». Незадолго же до этого, «за два лета неких ради людских крамол», он был в гневе на них и тогда «пожаловал и благословил» своего внука Дмитрия Ивановича великим князем. «Потом же великий князь испытал подробно вся прежде бывшая крамолы, их же ради повеле князя Симиона Рязановского казнити смертным посечением. Князя же Ивана Юрьевича и сына его князя Василья Косово для моления митрополита и владык милость над ним сотвори: смерти не предаст их. И отпущени бывше и во иноческий чин облекошася... Та же великий князь о внуке своем, великом князе Дмитрие, нерадети нача и за приставы посади его и мать его, великую княгиню Елену...»⁴¹. Таким образом, с точки зрения составителя Степенной книги, опала на Рязановских — Патрикеевых была вызвана возвышением Василия, в «крамолах» против которого и Софьи, имевших место в 1497 году, была замешана группировка Патрикеевых — Рязановских⁴², поддерживавшая, очевидно, кандидатуру Дмитрия.

Нам кажется, что не доверять рассказу Степенной книги, как это делают некоторые исследователи, ссылаясь на ее позднее происхождение и отсутствие в летописных сводах начала и первой половины XVI века сведений о связи дела Патрикеевых — Рязановских с борьбой партий при дворе Ивана III⁴³, нет никаких оснований. Умолчание об этой связи летописей первой половины XVI века объясняется заинтересованностью в этом лиц, в руках которых находилась власть и волей которых определялись в значительной степени содержание и направленность летописных известий.

⁴¹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, стр. 571—572.

⁴² Одинаковой с Патрикеевыми политической ориентации придерживался и князь С. И. Рязановский, выполнявший ряд ответственных поручений великокняжеской власти и поддерживавший ее в борьбе с удельно-княжеской оппозицией (Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 314—315).

⁴³ Я. С. Лурье. Первые идеологи Московского самодержавия. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 78, стр. 97, прим. 2.

Летописи первой половины XVI века передают две основные версии рассказа о династической борьбе конца XV века. Одна версия сохранилась в списках так называемого Новгородского свода 1539 года. Согласно этой версии, Иван III наложил опалу на Василия ввиду причастности его к заговору Владимира Гусева, Федора Строилова и других, которые подстрекали Василия «от отца своего отъехати, великого князя, казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем Дмитрием, над внуком, израда учинити». Об опале на князей Патрикеевых — Рязановских в январе 1499 года рассматриваемая версия сообщает кратко, без всякого объяснения причин ее; зато сообщению о назначении Василия в марте 1499 года великим князем Новгорода и Пскова предпослано многозначительное замечание о том, что великий князь «вины ему отдал»⁴⁴. Анализируя эту версию, Я. С. Лурье приходит к выводу, что она возникла в последние годы жизни Ивана III, ибо вряд ли во время княжения Василия III в летопись, имеющую официальный характер, могли бы быть допущены известия о связях Василия в прошлом с феодальной оппозицией и о его «винах» перед отцом. По весьма убедительному мнению Я. С. Лурье, рассказ свода 1539 года о событиях конца XV века представляет собою отрывок несохранившегося великокняжеского свода 1500 года⁴⁵. Временем составления этого свода объясняется, с нашей точки зрения, и отсутствие в нем указаний на ту роль, которую Патрикеевы сыграли в династической борьбе. Годы с 1499 по 1502 были годами известного политического равновесия между обоими соперниками: Иван III простил Василия и назначил его великим князем Новгорода и Пскова, но Дмитрий продолжал оставаться великим князем всея Руси, наследником престола, хотя его положение пошатнулось. Опала Патрикеевых — Рязановских была данью возвышающемуся Василию, но публичное объявление о причинах опалы (выступление Патрикеевых и Рязановских)

⁴⁴ Новгородская четвертая летопись по списку Дубровского (ПСРЛ, т. IV, вып. 2, стр. 530—533); Ростовская летопись по Архивскому списку (А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 82—87); окончание Никоновской летописи по Архивскому II списку (ПСРЛ, т. XII, стр. 263—265); отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку (ПСРЛ, т. VI, стр. 276—303); списки летописей Государственного исторического музея, собрание Уварова № 568, и Государственной Публичной библиотеки, собрание Погодина № 1403 (см.: С. Н. Азбелев. Две редакции Новгородской летописи Дубровского. В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, стр. 219—228).

⁴⁵ Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. ТОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 180—181.

ловских в 1497 году против Василия на стороне Дмитрия) могло бросить тень политического подозрения на Дмитрия и во всяком случае делало непонятым для общественного мнения оставление его наследником престола. Известия свода 1500 года отразили колебания и нерешительность Ивана III в вопросе о передаче престола одному из двух возможных претендентов.

Иную по своей направленности и в то же время еще более лаконичную версию рассказа о событиях конца XV века дают другие летописные своды XVI века: они не только не сообщают причин опалы Патрикеевых, но и умалчивают о заговоре 1497 года, объясняя последовавшую в этом году опалу Василия и Софьи несправедливостью Ивана III, поддавшегося «диаволу действу и наважению и лихих людей совету»⁴⁶. Несомненно, что эта версия, оправдывающая Василия, возникла позже, вероятно, уже в княжение Василия⁴⁷. Отсутствие в ней мотивировки опалы Патрикеевых легко объясняется тем положением, которое Василий Иванович Патрикеев (Косой) занимал на протяжении значительной части правления Василия III: по возвращении из ссылки он стал доверенным лицом великого князя⁴⁸; естественно, что в этих условиях напоминание о былой враждебности Патрикеевых Василию было неуместным.

Что касается Степенной книги, то она составлялась уже в княжение Ивана IV, после вторичной опалы В. И. Патрикеева, и поэтому ее составителю незачем было умалчивать о связях Патрикеевых с группировкой Дмитрия Ивановича и о противодействии их в 1497 году кандидатуре Василия Ивановича, которого Степенная книга, так же как и летописи первой половины XVI века, стремится представить невинно пострадавшим.

О связях Патрикеевых с группировкой Дмитрия и Елены Волошанки свидетельствуют и некоторые другие данные. Как известно в еретическом кружке, участницей которого была Елена, видную роль играл Федор Курицын, дьяк великого князя. С Курицыным же Патрикеевы, выполнявшие в 90-х годах ряд дипломатических поручений, сталкивались по службе; в частности, как уже отмечено выше в 1494 году Василий Иванович Патрикеев и Семен Ряполовский вместе с Федором Курицыным ездили в Литву для заключения мирного до-

говора⁴⁹. Патрикеевы и Курицын сталкивались не только в сфере дипломатической деятельности: Федор Курицын принимал участие в оформлении тех юридических актов, которые совершались с ведома И. Ю. и В. И. Патрикеевых; так, в 1497 году Курицын и Патрикеевы совместно участвовали в отводе земель, променянных Иваном III удельным волоцким князьям⁵⁰. Конечно, факты совместной служебной деятельности Патрикеевых и Курицына, взятые сами по себе, не свидетельствуют об их действительной близости. Но если к ним прибавить влияние идеологии еретиков, следы которого наблюдаются в публицистическом наследии В. И. Патрикеева⁵¹, то тогда эти факты становятся свидетелями реальных связей, существовавших между Патрикеевыми и окружением Елены Волошанки, возглавлявшей партию Дмитрия.

Считая, что опала Патрикеевых прежде всего была обусловлена ходом династической борьбы, мы не отрицаем вместе с тем, что между Иваном III и Патрикеевыми — Ряполовскими имелись расхождения по внешнеполитическим вопросам и что эти расхождения вызывали недовольство великого князя. Недаром в наказ послам, отправлявшимся в Литву в 1503 году, Иван III включил следующее наставление: «Ведь, что учините не по пригожу, ино нам нечесть, а вам нечесть же; и вы бы во всем себя берегли, а не так бы естество чинили, как князь Семен Ряполовский высокоумничал с князем Васильем, княжим Ивановым сыном, Юрьевича»⁵². В чем заключалось «высокоумничанье» Патрикеева и Ряполовского, — сказать трудно⁵³. Из слов Ивана III явствует лишь, что в бытность послами в Литве в 1494 году Патрикеев и Ряполовский превысили свои полномочия и при решении данных им дипломатических поручений проявили какую-то самостоятельность. Однако вряд ли можно полагать, что «высокоумничанье» Патрикеева и Ряполовского в Литве сыграло решающую роль в их опале, ибо при этом предположении оказывается непонятым, во-первых, почему Иван III решил наказать их спустя пять лет после того, как «высокоумничанье» имело место (за годы 1495—1499 о причастности Патрикеевых и Ряполовских к польско-литовским делам ни-

⁴⁹ См. выше, стр. 38—39.

⁵⁰ СГД, т. I, № 129, стр. 330—333; см. также: Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 313—314.

⁵¹ См. ниже, стр. 94—101.

⁵² АЗР, т. I. СПб., 1846, стр. 302, № 192.

⁵³ Мнения по этому вопросу см. в работах Л. В. Черепнина (ук. соч., стр. 315—317) и К. В. Базилевича (ук. соч., стр. 369—375).

⁴⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 43, 241; т. VIII, стр. 235.

⁴⁷ Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 180.

⁴⁸ См. ниже, стр. 56—57.

чего неизвестно)⁵⁴, и, во-вторых почему, несмотря на «высокомучничанье», Патрикеевы в конце 90-х годов продолжали пользоваться доверием Ивана III и играть видную роль в государственном управлении.

Гораздо более логичным является предположение о том, что основной причиной опалы Патрикеевых явилось участие их в династической борьбе на стороне Дмитрия и что Василий Иванович свое примирение с отцом использовал для того, чтобы свести счеты сначала со сторонниками своего соперника, а затем и с ним самим. Успеху Василия содействовала сложившаяся внешнеполитическая обстановка и связи партии Дмитрия — Елены с еретиками⁵⁵. Предвестниками падения Дмитрия явились опалы 1499 года: казнь Семена Ряполовского и ссылка Патрикеевых, отца — в Троице-Сергиев монастырь, а сына — в Кирилло-Белозерский, где он был пострижен в монахи под именем Вассиана.

2

В Кирилло-Белозерском монастыре Вассиан неизбежно должен был столкнуться с Нилом Сорским, чей скит находился в 15 верстах от монастыря и чье имя было популярно среди монастырской братии. Проповедь Нила Сорского, призывавшего к полному отречению от мира, учившего, что «дым есть житие се, пара, персть и попел»⁵⁶, не могла не произвести впечатления на человека, только что пережившего крутую ломку своей судьбы, вырванного из самой гущи общественно-политической жизни и насильно одетого в монашескую рясу. Вассиана увлекают идеи нестяжания и внутреннего самосовершенствования, и он становится ревностным почитателем Нила Сорского.

Но превращение еще вчера блестящего дипломата и воеводы в смиренного инока, отрекшегося от всего земного, давалось нелегко. Преследовали мысли об оставленной жизни. И Вассиан обращается к Нилу Сорскому с просьбой научить его, как избавиться от «находящих помыслов предняго мирскаго жития»? В ответном «Послании к брату, вопросившему

⁵⁴ Ср.: И. И. Смирнов. Рецензия на книгу К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства». Вопросы истории 1952, № 11, стр. 142—143.

⁵⁵ Быть может, не случайно Дмитрий и Елена были арестованы в апреле 1502 года, а за месяц до этого, в марте 1502 года, Иван III дал обещание Иосифу Волоцкому «обыскивати еретиков, да искоренити» (см.: Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Андрониковскому Митрофану. В кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 436).

⁵⁶ Нила Сорского предание и устав, стр. 65.

его о помыслах» Нил указывает молодому иноку на ничтожность и тленность мирской жизни: «Чим пользова мир державшихся его? Аще кои славы, и чести, и богатство имеша, не вся ли сия ни во что же быша, и, яко сень, мимо идоша и, яко дым, исчезоша?». И далее Нил наставляет Вассиана в монашеских добродетелях, особенно подчеркивая необходимость быть усердным «к послушанию божественных писаний»⁵⁷.

Вероятно, выполняя наставления Нила Сорского, Вассиан в бытность свою в Кирилло-Белозерском монастыре знакомится с богословской литературой, изучает священное писание, жития святых, канонические книги и приобретает тот запас богословских знаний, который позволил ему стать одним из сильнейших церковных публицистов своего времени. Вассиан на всю жизнь сохраняет привязанность к Нилу и, спустя много лет после смерти своего учителя, с теплотой и гордостью называет его своим старцем⁵⁸.

Но несмотря на все влияние Нила, Вассиан не смог следовать до конца его заповеди полного отречения от мира и сосредоточения на внутреннем самосовершенствовании. Темперамент политического деятеля очень скоро взял в нем верх над монашескими обетами. Вассиан вновь вмешивается в общественно-политическую жизнь в той единственной форме, которая осталась для него возможной, — в форме участия в идеологической, религиозной борьбе.

В центре идейной борьбы, происходившей в русском обществе в начале XVI века, стояли два вопроса: вопрос о монастырском землевладении и вопрос о судьбе еретиков.

Борьба вокруг вопроса о вотчинных правах монастырей достигла своего кульминационного пункта в 1503 году, когда на рассмотрение собора был внесен проект секуляризации монастырских земель. С идейным обоснованием этого проекта выступил учитель Вассиана, Нил Сорский, аргументировавший недопустимость для монастырей владеть селами тем, что иноки должны кормиться своим «рукоделием». Но на соборе нестяжатели потерпели поражение. В духе воззрений иосифлянского большинства собор составил доклад великому князю, содержащий обширную аргументацию в защиту исконности и неприкосновенности церковного землевладения. Не желая ссориться с церковью, Иван III отказался от плана секуляризации церковных земель⁵⁹.

⁵⁷ А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси, ч. I. СПб., 1882, стр. 58—59, 87—90.

⁵⁸ Наст. изд., стр. 280.

⁵⁹ Подробнее о соборе 1503 года см. выше, стр. 27—35.

Но нестяжатели не сложили оружия. Крушение на соборе планов секуляризации поставило нестяжателей перед необходимостью усилить пропаганду своих идей в обществе. Чтобы расчистить дорогу идее секуляризации, нужно было прежде всего опровергнуть соборный доклад и дать развернутое теоретическое обоснование нестяжательности монастырей. Эта задача мало соответствовала пассивной и созерцательной натуре Нила Сорского, оказавшегося лишь на какой-то момент по воле великого князя втянутым в общественно-политическую борьбу. Но зато она как нельзя более импонировала деятельному и энергичному Вассиану и давала возможность ему в какой-то мере вновь принять участие в политической жизни.

Получив, вероятно, от Нила Сорского подробную информацию о ходе собора и о принятых на нем решениях, Вассиан пишет одно из своих первых произведений — «Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания и о отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы». «Собрание некоего старца» представляет собою яркое публицистическое произведение, написанное в форме поучения, обращенного к инокам. Произведение пронизано призывом к инокам соблюдать свои обеты, важнейшим из которых является обет нестяжания, понимаемый автором как отказ от вотчинных прав монастырей. Центральное место здесь занимает опровержение одного из главных аргументов соборного доклада в защиту монастырского землевладения — указания на примеры древних святых, которые у монастырей «все села имели». Возражая против этого аргумента, Вассиан пишет: «Аще ли кто возглаголет: прежде сего монастыри со землями жили, — но несть тако». И далее он называет святых (почти всех тех, которые упомянуты в соборном докладе) и подчеркивает, что они «сел у монастырей не держали... Аще кто и давал им села, и оне не имали, но жили безименно по Евангелию и по своему обещанию»⁶⁰. И хотя Вассиан не называет ни соборного доклада, ни тех лиц, которые за ним стояли, для современников было совершенно очевидно, с кем спорит Вассиан и против какого документа направлено его произведение. «Собрание некоего старца» было рождено общественно-политической борьбой и носило на себе ее отпечаток.

В связи с идеологической и политической борьбой, происходившей в русском обществе в начале XVI века, возникает и другое произведение Вассиана — «Ответ кирилловских стар-

⁶⁰ Обоснование принадлежности «Собрания некоего старца» Вассиану и датировку его см. ниже, стр. 190—217.

цев на послание Иосифа Волоцкого великому князю Василию Ивановичу⁶¹ о наказании еретиков». «Ответ старцев», так же как и «Собрание некоего старца», представляет собою острое публицистическое произведение, ставившее своей задачей не только пропаганду идей определенной группы духовенства, но и борьбу со взглядами враждебной группировки. Если «Собрание некоего старца» имело своей целью опровержение взглядов иосифлян на имущественные права церкви, то «Ответ старцев» был направлен против иосифлянского решения вопроса о судьбе еретиков.

Беспощадная борьба с еретиками являлась одним из главных идейных лозунгов иосифлян. Еще до того, как иосифлянство окончательно оформилось и было признано в качестве официальной идеологии русской церкви, идеи преследования еретиков и искоренения ересей путем физического истребления их носителей развивались в кружке новгородского архиепископа Геннадия. В своем послании к собору 1490 года Геннадий писал, что никаких споров о вере с еретиками вести не следует, «только того для учинити собор, что их казнити — жечи да вешати»⁶², а в послании того же года к митрополиту Зосиме он ссылался на пример «шпанского» короля, как тот «свою очистил землю»⁶³. Однако собор 1490 года не вынес смертных приговоров еретикам и ограничился отлучением их от церкви.

Такое решение вопроса не могло удовлетворить воинствующих церковников, и в начале XVI века, когда во главе их становится Иосиф Волоцкий, он принимает все меры к тому, чтобы убедить «державного» в необходимости казни еретиков. В 1502 году состоялась встреча Иосифа Волоцкого с Иваном III, во время которой шла беседа о «церковных делах»; Иван III дал обещание послать по городам «обыскивати еретиков да искоренити». Но бывший высокий покровитель еретиков не торопился с исполнением своего обещания, о чем Иосиф Волоцкий с горечью писал через год в письме к духовнику великого князя Митрофану: «И аз чаял — тогды же государь пошлет, ино уже тому другой год от велика дня настал, а он, государь, не посылавал»⁶⁴. Видя медлительность и колебания Ивана III, Иосиф обращается с посланием к его наследнику, великому князю Василию Ивановичу, пытаясь,

⁶¹ Василий Иванович носил в то время титул великого князя в качестве наследника престола. Обоснование датировки и принадлежности Вассиану «Ответа старцев» см. ниже, стр. 175—182.

⁶² Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 381.

⁶³ Там же, стр. 378.

⁶⁴ Там же, стр. 438.

очевидно, через сына воздействовать на отца⁶⁵. В конце концов обличителям удалось достигнуть своего: в декабре 1504 года состоялся собор, вынесший смертные приговоры еретикам.

От собора 1504 года не сохранилось никаких документов. Все наши сведения о нем ограничиваются кратким летописным рассказом. Поэтому мы ничего не знаем ни о борьбе мнений на соборе (если только она имела место), ни о мотивах осуждения еретиков. Но результаты собора знаменательны: по приговору собора, «сожгоша в клетке диака Волка Курицина, да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова декабря, 27, а Некрасу Рукавову повелеша языка урезати и в Новгороде в Великом сожгоша его. Тое же зимы анхимандрита Касиана Юрьевского сожгоша и его брата и иных многих еретиков сожгоша, а иных в заточенье послаша, а иных по монастырем»⁶⁶. Соборный приговор полностью соответствовал вожделениям обличителей не только по своему главному результату — смертным приговорам еретикам, но и по тем формам, в которых эти приговоры осуществлялись: вспомним, как новгородский архиепископ Геннадий советовал собору 1490 года еретиков «жечи да вешати», а Иосиф в письме к Митрофану, ратуя за жестокую расправу над еретиками, ссылался на пример вавилонского царя Моавия, который «манихейном повеле языки изрезывати»⁶⁷. Собор «на еретиков» закончился, таким образом, полной победой иосифлянкой точки зрения.

Развернутое изложение этой точки зрения содержится в «Слове об осуждении еретиков» Иосифа Волоцкого, написанном, вероятно, в период подготовки собора «на еретиков» с целью убедить общественное мнение в необходимости их казней. Основные положения «Слова» следующие: 1) все еретики подлежат смертным казням, 2) убивать еретиков молитвою или оружием — это одно и то же («едино есть»), 3) требование смертных казней для еретиков соответствует Ветхому закону⁶⁸. Очевидно, эти же положения Иосиф развивал и в «Послании Василию», которое дошло до нас только в кратком изложении в «Ответе старцев». Инквизиторской программе Иосифа в «Ответе старцев» противопоставлено иное, более гуманное отношение к еретикам: 1) казням подлежат только непокаявшиеся еретики, покаявшиеся должны быть приняты в лоно церкви; 2) руководствоваться следует не Вет-

⁶⁵ См. ниже, стр. 176—177.

⁶⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 49—50.

⁶⁷ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 436.

⁶⁸ Там же, стр. 486—498.

хим законом, а Новым с его проповедью любви и всепрощения; 3) тезис о том, что еретиков убивать молитвою или оружием «едино есть», старцы высмеивают, предлагая Иосифу доказать свою святость на деле и молитвою поразить еретиков⁶⁹. В «Ответе старцев», написанном по всей вероятности Вассианом, нашла свое выражение точка зрения нестяжателей на судьбу еретиков.

Таким образом, уже в период своей ссылки Вассиан становится активным участником идейной борьбы и занимает видное место среди заволжских старцев, последователей Нила Сорского, в качестве одного из смелых и талантливых публицистов. В годы ссылки складываются основные черты мировоззрения Вассиана: резко отрицательное отношение к монастырскому землевладению и относительно гуманный взгляд на еретиков. Эти черты, с такой определенностью проступающие уже в первых произведениях Вассиана, в последующем его творчестве получают свое дальнейшее развитие и углубление. В годы ссылки определяется и наиболее характерная особенность публицистической деятельности Вассиана: ее политическая острота, связь с насущными вопросами современности. И хотя, в силу своего положения опального инока, Вассиан не писал открыто, тем не менее известия о его публицистических выступлениях не могли не достигнуть двора великого князя. Это определило дальнейшую судьбу Вассиана: он был возвращен из ссылки в Москву.

3

Если Василий Иванович, став великим князем, возвратил из ссылки человека, который в прошлом выступал против его притязаний на великое княжение и к опале которого он в свое время приложил руку, то для этого должны были существовать серьезные основания. Искать их следует в том направлении политики великокняжеского правительства, какое она получила в конце XV — начале XVI века.

Рассматривая мероприятия великокняжеской власти конца XV — первых лет XVI века, направленные на ограничение церковного и монастырского землевладения, мы не раз отмечали, что они были продиктованы интересами дворянства, мечтавшего о расширении фонда поместных земель⁷⁰. Но этим значение их не ограничивалось: несомненно, что указанные мероприятия представляли собой одну из сторон политики госу-

⁶⁹ См. наст. изд., стр. 250—253.

⁷⁰ См. выше, стр. 10—13.

дарственной централизации, ибо осуществление их означало подрыв могущества крупнейшего феодала — церкви и укрепление позиций государства. Важной вехой в истории централизаторской политики великокняжеской власти был собор 1503 года, на котором рассматривался вопрос о секуляризации церковных земель. Решительная оппозиция большинства собора заставила правительство отступить и временно снять вопрос о секуляризации. Но отступление в этом вопросе не означало еще отказа великокняжеской власти от борьбы с прерогативами монастырей и церкви.

Автор интересного исследования, посвященного изучению иммунитетной политики русского правительства в первой трети XVI века, С. М. Каштанов, показывает, что после краха плана секуляризации правительство Ивана III и правительство Василия III повели наступление на вотчинные права монастырей, ограничивая принадлежавшие им иммунитетные привилегии. По наблюдениям С. М. Каштанова, тенденция к ограничению феодального иммунитета прослеживается на протяжении всего правления Василия III, но в разные периоды она проявлялась с неодинаковой силой. Целостным этапом иммунитетной политики были первые годы княжения Василия III (1505—1511), когда при подтверждении старых жалованных грамот и выдаче новых производилась массовая отмена податных льгот крупных феодалов-иммунитетов и, в первую очередь, монастырей. Одновременно ограничивались иммунитетные права монастырей и в области суда путем изъятия из вотчинной юрисдикции дел, касающихся душегубства и разбоя с поличным, суд по которым передавался в руки наместников. Во второй период иммунитетной политики Василия III (1511—1522) наряду с прежней строго ограничительной линией возникли некоторые отклонения от нее; стали выдаваться обельно-несудимые грамоты, освобождавшие от волостных проторов и разметов (второстепенных повинностей), а в 1515—1518 годах щедрые тарханные грамоты получили несколько монастырей, в том числе и Иосифо-Волоколамский. В третий период (1522—1533) компромиссные тенденции в иммунитетной политике усиливаются и ряд феодалов, духовных и светских (но главным образом иосифлянские монастырские корпорации), получают иммунитетные привилегии в большом объеме⁷¹.

⁷¹ С. М. Каштанов. Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI в. (Автореферат диссертации). М., 1958, стр. 8—9. — Подробнее см.: С. М. Каштанов. Ограничение феодального иммунитета правительством

Из материалов, приводимых С. М. Каштановым, явствует, что первые значительные отклонения от политики ограничения феодального иммунитета имели место во второй половине 10-х годов (1515—1518)⁷² и что до этого правительство Василия III довольно последовательно (если не считать статей о проторах и разметах, которые начали появляться в грамотах с 1511 года) проводило ограничительную линию. С. М. Каштанов высказывает также мысль о том, что в рассматриваемый период правительство Василия III, не довольствуясь урезыванием иммунитетных привилегий монастырей, сделало попытку приостановить рост монастырских вотчин. По мнению С. М. Каштанова, на эту мысль наводит то обстоятельство, что в 1513—1514 годах резко снижается число жалованных грамот на монастырские вотчины⁷³. Указания на проведение правительством Василия III ограничительных мероприятий в отношении дальнейшего роста монастырских вотчин содержат и позднейшие источники. Так, в указе Ивана IV от 11 мая 1551 года читается: «А что исстари, по уложению великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по уложению великого князя Василия Ивановича всея Руси во Твери, и в Микулине, и в Торжку, и в Оболенску, на Беле озере, на Рязани мимо тех городов людям вотчин не продавать и по душам в монастыри без доклада не давать»⁷⁴. Запрещение продавать вотчины и давать их в виде вкладов в монастыри без доклада ставило под контроль государства один из источников расширения монастырских вотчин. С нашей точки зрения, это запрещение могло иметь место в период, когда правительство Василия III проводило политику ограничения вотчинных прав церкви, то есть до 20-х годов XVI века. Общие наблюдения над политикой Василия III рассматриваемого периода дополняются данными, характеризующими историю отдельных монастырских вотчин. Так, А. И. Копанев, проследивая историю вотчины Кирилло-Белозерского монастыря, устанавливает два основных этапа быстрого роста ее: первый — с момента основания монастыря до последней четверти XV века и второй — со второй четверти XVI века и до конца его. Период же конца XV и первой четверти XVI века был временем замедленного роста мона-

Русского централизованного государства в I-й трети XVI в. Труды Историко-архивного института, т. XI. М., 1958, стр. 269—296.

⁷² С. М. Каштанов. Ук. соч., стр. 284—286.

⁷³ Там же, стр. 284. — См. также: С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 319—320.

⁷⁴ ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 227.

стырской вотчины⁷⁵. В свете приведенных выше наблюдений над политикой Ивана III и Василия III это замедление представляется не случайным: быть может, оно находилось в связи с мероприятиями великокняжеского правительства этого периода, направленными против вотчинных прав церковных феодалов.

При таком направлении политики Василия III страстные выступления Вассиана против монастырского стяжания, обличения им вотчинного быта монастырей, должны были получить благоприятный резонанс при великокняжеском дворе, ибо они давали идейное обоснование мероприятиям, ограничивающим вотчинные права монастырей. И в этом заключалась причина возвращения Вассиана из ссылки в Москву.

Время возвращения Вассиана из ссылки источники не сообщают. Между 1511 и 1515 годами он уже не только находился в Москве, но и пользовался большим влиянием на великого князя, о чем с горечью пишет Иосиф Волоцкий в послании В. Челяднину⁷⁶. Возможно, Вассиан был возвращен из ссылки в 1509 году после смерти бывшего наследника престола Дмитрия Ивановича⁷⁷. Если верить Герберштейну, то Василий I и после занятия престола продолжал усматривать в своем племяннике соперника: он держал его в заключении и до конца жизни не хотел венчаться царским венцом, так как им уже был венчан Дмитрий⁷⁸. Поэтому, вряд ли при жизни последнего Василий стал бы возвращать в Москву человека, поддерживавшего в свое время кандидатуру Дмитрия.

После переезда Вассиана в Москву, где он был поселен на жительство в Симоновом монастыре, быстро происходит сближение его с великим князем. Былые столкновения были забыты. Василий III нашел в Вассиане умного и деятельного сторонника политики ограничения феодальных прав церкви. Для Вассиана же великий князь был не только человеком, возвратившим его из ссылки, но и государем, с которым он связывал надежды на осуществление мечты о переустройстве монастырей. Между Василием III и Вассианом часто велись беседы, во время которых Вассиан смело обличал неурядицы, существовавшие в русской церкви. «Что убо безми-

⁷⁵ А. И. Кюпанев. Ук. соч., стр. 86—87.

⁷⁶ И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, стр. 260—262.

⁷⁷ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900, стр. 654, прим. I.

⁷⁸ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 16.

лостивно и спротивно святым писанием сътворяю, аще о сицевых беседую с боголюбивыми князи, плачася и рыдаа церковное нестроение?», — писал Вассиан, отвечая своим противникам — иосифлянам, упрекавшим его в нападках на церковь перед великим князем⁷⁹. Вассиан приобретает большое влияние на великого князя и становится его ближайшим советником: «великий временной человек, у великого князя ближний», — так говорили о нем современники⁸⁰.

В 1511 году митрополитом становится Варлаам, архимандрит Симоновского монастыря, где жил Вассиан. Варлаам сам не был нестяжателем, но нестяжателем он, по-видимому, сочувствовал⁸¹, а к иосифлянам относился отрицательно: Вассиан в палатах митрополита открыто называл Иосифа и его учеников отступниками⁸². Свою близость к великому князю и к митрополиту Вассиан использует для борьбы с иосифлянами.

Иосифлянство во втором десятилетии XVI века продолжало оставаться идеологией крупных церковных феодалов, основными чертами которой являлись защита имущественных прав церкви и беспощадная борьба с еретиками. Но в политическом отношении иосифлянство проделало к этому времени значительную эволюцию. Если в конце XV века в связи с секуляризационными мероприятиями Ивана III иосифляне были настроены по отношению к великому князю оппозиционно и ориентировались на удельных князей, то после соборов 1503—1504 годов, на которых с согласия Ивана III была провозглашена незыблемость церковных имуществ и вынесены смертные приговоры еретикам, иосифляне меняют свою политическую ориентацию и сближаются с великокняжеской властью⁸³.

Сближению Иосифа Волоцкого с великим князем способствовал также конфликт с князем Федором Борисовичем Волоцким, на земле которого стоял Волоколамский монастырь. Конфликт произошел из-за притязаний волоцкого князя на имущество монастыря и, в частности, на его земельные владения⁸⁴. На притязания волоцкого князя Иосиф ответил созданием «Трактата в защиту церковных и монастырских

⁷⁹ Наст. изд., стр. 269.

⁸⁰ ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 11.

⁸¹ См. ниже, стр. 62—63.

⁸² И. Хрущов. Ук. соч., стр. 260—261.

⁸³ Я. С. Лурье. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель. — Послания Иосифа Волоцкого, стр. 83—97.

⁸⁴ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою епископом Крутицким. М., 1865, стр. 38—43.

имуществ», посвященного обоснованию неприкосновенности имущественных прав церкви. Свои прежние взгляды на земельные владения монастырей как основу их благосостояния, изложенные еще в конце XV века в Синодике Волоколамского монастыря, Иосиф в «Трактате...» развивает и дополняет тезисом о том, что «церковное стяжание — суть божье стяжание» и что поэтому всякий поднимающий руку на собственность церкви является святотатцем и подлежит проклятию⁸⁵. Одновременно Иосиф совершает шаг, вызвавший большой резонанс в русском обществе: в 1507 году он передает свой монастырь под патронат великого князя. Современники расценили этот шаг как превращение Иосифа в «дворянина великого князя»⁸⁶. Переход из-под власти удельного князя под власть великого князя Иосиф дополняет созданием теории о теократическом характере царской власти. Если в ранних произведениях Иосифа, конца XV века, слышались отголоски теории о превосходстве «священства» над «царством», то теперь Иосиф формулирует тезис о том, что цари и князья являются наместниками бога на земле⁸⁷.

Однако, хотя теория теократического абсолютизма объективно способствовала усилению великокняжеской власти, тем не менее Иосиф Волоцкий и его соратники, несмотря на проделанную эволюцию, и в этот период не являлись еще такими безусловными поборниками великокняжеской политики, как это принято считать в литературе. Между великим князем и иосифлянами продолжали существовать значительные расхождения, и эти расхождения касались вопросов борьбы с удельно-княжеской оппозицией: как это ни странно, иосифляне вплоть до смерти своего учителя являлись противниками решительной борьбы с удельно-княжеской оппозицией. Это, на первый взгляд парадоксальное, положение подтверждается фактами.

В 1511 году готовилось выступление удельно-княжеской оппозиции: брат Василия III, удельный князь калужский Семен Иванович, хотел бежать в Литву. Заговор был раскрыт, но у удельного княжича нашлись влиятельные защитники, и он избежал расправы: великий князь «по печалованью Симона митрополита и братья своеа и владык вины ему отдал»

⁸⁵ В. М а л и н и н. Старец Елиазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 128—129.

⁸⁶ Ответ на послание Иосифа Волоцкого И. Ив. Третьякову. В кн.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 336—356.

⁸⁷ Послание старца Иосифа к великому князю Василию на еретики. В кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Ук. соч., стр. 519—520.

и ограничился только «переменой» у Семена Ивановича бояр и детей боярских⁸⁸.

Вскоре после этого митрополит Симон оставил кафедру и ее занял, как уже отмечено, архимандрит Симоновского монастыря Варлаам. Обстоятельства ухода с кафедры Симона летописи передают неясно. В приложении к Ермолинской летописи сразу после изложения дела Семена Калужского следует лаконичная запись: «Тоя же весны Симон митрополит остави митрополию и съеха в Сръгиев монастырь и преставися, и положиша его в церкви Пречистыа Успения на Москве. Того же лета поставлен на митрополию Варлам, архимандрит Симановской»⁸⁹. Более подробный рассказ читается в Воскресенской летописи. Согласно версии Воскресенской летописи, 26 апреля Симон «разболелся», «по слову великого князя» он примирился с Серапионом, архиепископом новгородским (которого в 1509 году отлучил от церкви за его конфликт с Иосифом Волоцким из-за передачи Волоколамского монастыря под патронат великого князя⁹⁰), получил у него прощение, после чего был отпущен в Троице-Сергиев монастырь, где 30 апреля скончался. В июле был поставлен на митрополию Варлаам⁹¹. Из рассказа Воскресенской летописи можно заключить, что причиной оставления Симоном митрополии была не только болезнь. Если «по слову» великого князя Симон примирился с Серапионом, которого два года назад торжественно предал отлучению, и не только примирился, но даже просил у него прощения, то очевидно, что Симон не пользовался больше влиянием на великого князя.

Что же явилось причиной охлаждения великого князя к митрополиту, бывшему одним из ближайших сподвижников Иосифа Волоцкого⁹²? Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в политической борьбе того времени. Мы видели, что 1511 год был ознаменован конфликтом между Василием III и его братьями, во время которого митрополит Симон выступил ходатаем за удельного княжича. Это обстоятельство не могло не вызвать отрицательной реакции со стороны великого князя, стремившегося к подавлению удельно-княжеского сепаратизма. И в этом заключалась, как нам

⁸⁸ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 199.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ О деле Серапиона см. ниже, стр. 134—135.

⁹¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 252.

⁹² Симон председательствовал на соборах 1503 и 1504 годов, на которых, как уже отмечалось, победила иосифлянская точка зрения по вопросам о церковном землевладении и о еретиках.

кажется, основная причина отставки митрополита Симона.

Выразительный эпизод, характеризующий отношение к удельным князьям самого Иосифа, передает нам его «Житие». В нем содержится рассказ о том, как Иосиф незадолго до своей смерти, во время конфликта между дмитровским удельным князем Юрием Ивановичем и Василием III, деятельно хлопотал об улаживании этого конфликта. Иосиф сам хотел ехать к великому князю и просить его о прощении брата, но по болезни не смог этого сделать и послал к великому князю вместо себя старцев монастыря. Посредничество Иосифа достигло цели, и Юрий Иванович отделался только выговором⁹³.

Эти факты показывают, что между теорией и практикой иосифлян имелось расхождение. Провозглашение тезиса о неограниченном характере власти государя сочеталось у них со стремлением спасти от разгрома тех, кто этой власти противостоял. Эта противоречивость объясняется тем, что обоснование неограниченного характера царской власти являлось со стороны иосифлян тактическим маневром, рассчитанным на то, чтобы полностью склонить великого князя к проведению своей программы — сохранению неприкосновенности вотчинных прав церкви и беспощадной борьбы с еретиками. Заступничество же иосифлян за удельных князей, очевидно, являлось следствием живучести старых политических симпатий.

Сочувствие иосифлян удельным князьям не могло быть по душе Василию III. И, может быть, именно этим (а не только личным влиянием Вассиана) объясняется неблагоприятность великого князя к Иосифу Волоцкому, которая ярко выразилась в запрещении великого князя Иосифу писать против Вассиана, на что Иосиф горько жалуется в своем послании Васи-

⁹³ В ряде списков «Жития» Иосифа, составленного Саввой Крутицким, в том числе в Минейном списке, говорится о передаче Юрием Дмитровским Волоколамскому монастырю в благодарность за посредничество Иосифа села Белково (см.: Великие Миней Четии, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1858, ст. 488). На этом основании А. А. Зимин и С. М. Каштанов датируют рассматриваемый эпизод из биографии Иосифа 1510 годом, так как в этом году, согласно актам Волоколамского монастыря, ему было пожаловано село Белково (см.: А. А. Зимин. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. Исторические записки, т. 27, стр. 283; С. М. Каштанов. Из истории последних уделов. Труды Историко-архивного института, т. X. М., 1957, стр. 290). Но в других списках «Жития» Иосифа упоминания о передаче Юрием Дмитровским Волоколамскому монастырю села Белково нет (см.: Житие Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1857, стр. 58). Что касается самого эпизода из жизни Иосифа, то во всех списках речь идет о нем, как о случившемся перед смертью Иосифа (1515 год).

лию Челяднину, датированном 1511—1515 годами. Отношение Василия III к Иосифу было настолько плохим, что Иосиф даже не решался сам обратиться к нему с жалобой на «хулу и злословие» против себя Вассиана, а униженно просил боярина Челяднина заступиться за него перед великим князем: «И мы того ради ныне тебе, господину своему, челом бием, чтоб ты государю пожаловал печаловался»⁹⁴.

Принудив своего противника к молчанию⁹⁵, Вассиан пишет против него ряд полемических произведений, из которых до нас дошло только два: «Слово ответно противу клеветующих истину еуангельскую и о иноческом житии и устроении церковном» и «Прение с Иосифом Волоцким». Не связанный более положением опального инока, Вассиан дает теперь полную волю своим полемическим наклонностям: с горячей убежденностью и злой иронией он опровергает основные положения иосифлян по вопросу о монастырских имуществах и об еретиках, не стесняясь в выражениях, называет Иосифа «святых писаний клеветником, развратником истины», уподобляет его еретику Навату и т. д. В своих новых произведениях Вассиан развивает и дополняет те две темы, которые были поставлены им еще в период ссылки: осуждения монастырского стяжания и гуманного отношения к еретикам. С особой силой и страстностью он бичует нарушение иноками своих обетов и рисует яркие обличительные картины жизни русского монашества. Свою прежнюю аргументацию, направленную против вотчинных прав монастырей, Вассиан в «Слове ответном» дополняет указанием на бесчеловечную эксплуатацию, которой подвергались крестьяне монастырских вотчин⁹⁶. Так в творчестве Вассиана этого периода возникает новая тема — о положении крестьян, — которой суждено было сыграть большую роль в русской публицистике XVI века.

Примерно около 1515 года Вассиан приступает к главному делу своей жизни — составлению новой Кормчей книги, которая авторитетом церковных каноников должна была подтвердить основной тезис Вассиана об исконной нестяжательности монастырей. Кормчая Вассиана отличается от официальных редакций систематическим, а не хронологическим расположением материала. Сведение правил в систематическом порядке давало составителю определенным образом подобрать материал по интересующим его вопросам.

⁹⁴ И. Хрущов. Ук. соч., стр. 260—261.

⁹⁵ Сколько времени действовало запрещение великого князя Иосифу писать против Вассиана, мы не знаем.

⁹⁶ См. ниже, стр. 86—87, 107—108.

И Вассиан эту возможность широко использовал. Он исключил из своей Кормчей статьи, на которые особенно опирались защитники монастырского землевладения, например «Слово 165 святых отец пятого вселенского собора, на обидящих божия церкви», «градские законы» византийских императоров и другие, а вместо них добавил некоторые новые статьи. Специально для Кормчей Вассиан написал трактат «Собрание некоего старца», посвященный отрицанию вотчинных прав монастырей, представляющий собой переработку его раннего одноименного произведения⁹⁷. На основе своих ранних произведений, в частности «Ответа кирилловских старцев Иосифу Волоцкому о наказании еретиков», Вассиан пишет второй трактат — «Слово о еретиках», — в котором ссылкой на канонические правила подкрепляет призыв гуманно относиться к кающимся еретикам⁹⁸. «Слово о еретиках» Вассиан намеревался включить в Кормчую, но в процессе работы он отказался от этого намерения, опасаясь, очевидно, возбудить общественное мнение против своей Кормчей.

Основная работа над Кормчей, как это следует из имеющейся в ней записи, была закончена в мае 1517 года⁹⁹. Но в 1518 году в Москву приезжает Максим Грек и свое знакомство с ученым афонцем Вассиан использует для дополнения и усовершенствования Кормчей. Максим Грек переводит для Вассиана ряд соборных правил и толкований к ним греческих богословов. Он поясняет Вассиану, что встречающееся в греческих Кормчих слово «проастион» означает «пашни и винограды, а не сѣла с житейскими христианы», как понимали его русские переводчики. Это разъяснение Вассиан вносит в свою Кормчую¹⁰⁰. По-видимому, специально для Кормчей Вассиана Максим Грек пишет «Сказание о жительстве инока Святой горы», которое находится в составе Кормчей Вассиана окончательной редакции¹⁰¹.

Составлению новой Кормчей Вассиан придавал огромное значение. Возможно, что он стремился придать своей Кормчей силу канонической, признанной руководством русской церкви. В Кормчей имеется записка о том, что, приступая к

⁹⁷ О литературной истории «Собрания некоего старца» см. ниже, стр. 190—219.

⁹⁸ См. ниже, стр. 182—190.

⁹⁹ «Сия книга списана по благословию господина нашего Варлаама, митрополита всеа Руси, в лето 7025-го, месяца мая, 27 день. А писана с Симановских правил да с другою списку с правил архиепископа Вассиана ростовского, что вывез из святой горы Сава Савиньского монастыря, что в Твери» (ЦГАДА, ф. 181, № 1597, л. 3-а).

¹⁰⁰ См. ниже, стр. 236, прим. «н — о».

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 181, № 1597, лл. 332 об.—333.

работе над ней, Вассиан обратился к митрополиту Варлааму и священному собору за благословением, которое получил с добавлением указания: из Кормчей «ничего не выставливати»¹⁰². Этого указания, как мы видим, Вассиан не выполнил.

Грандиозная работа по составлению новой «нестяжательской» Кормчей, так же как и вся публицистическая деятельность Вассиана, была подчинена задаче пропаганды в обществе главного тезиса нестяжателей — о том, что «монастыри не должны держать сел». Но Вассиан не ограничивался идейной пропагандой. Он стремился добиться переустройства русских монастырей на основе полной нестяжательности. И средством для этого должна была явиться секуляризация монастырских и церковных земель. Свою близость с великим князем Вассиан использовал для того, чтобы склонить его к проведению секуляризации. «Сие, Иосифе, на мя не лжеш, что аз великому князю у монастырей села велю отымати и у мирских церквей», — пишет Вассиан в ответ на упреки Иосифа о том, что он, Вассиан, учил великого князя отнимать села у монастырей и у церквей¹⁰³. Возможно, что с намерением склонить великого князя к проведению секуляризации была связана передача ему Вассианом своей Кормчей: Вассиан хотел воздействовать на великого князя авторитетом «святых правил». В 1531 году Кормчая Вассиана находилась еще в великокняжеской казне, где наряду с деньгами и драгоценностями хранились особенно ценные документы¹⁰⁴.

За отсутствием прямых указаний источников мы не можем с определенностью утверждать, как Василий III относился к проекту секуляризации церковного и монастырского землевладения. Но то обстоятельство, что он вел с Вассианом беседы на эту тему, выслушивал советы «отнимать села у монастырей и церквей», принял от Вассиана Кормчую и хранил ее в своей казне, проводил (и это самое главное) политику ограничения вотчинных прав монастырей и монастырского землевладения, позволяет высказать предположение о том, что Василий III в рассматриваемый период его

¹⁰² Там же, л. 3-а.

¹⁰³ Наст. изд., стр. 279.

¹⁰⁴ В 1531 году на суде Максим Грек показывал: «...а Исак Собака списал то житие князю Васьяну старцу, да и правила Васьяновы. И Васьян то житие и правила Исакова Собакина письма дал великому князю, и ныне то житие и правила у великого в казне» (ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 7).

правления (до 20-х годов XVI века)¹⁰⁵ сочувственно относился к идее секуляризации. Может быть, подобно своему отцу, Ивану III, и сыну, Ивану IV, Василий III намеревался сделать попытку реализовать ее с тем, чтобы таким образом решить вопрос об обеспечении дворянства землею.

Идейное обоснование этому направлению великокняжеской политики давало учение нестяжателей. И на этом была основана близость к великому князю Вассиана, публицистическая деятельность которого, независимо от его субъективных целей и намерений, отвечала потребностям политики государственной централизации.

4

20-е годы XVI века — наиболее трудный для освещения период жизни Вассиана, так как в источниках он почти не отражен. Никаких произведений Вассиана, относящихся к этому времени, не осталось. Мы даже не знаем, продолжал ли Вассиан в эти годы писать или свою публицистическую деятельность он совсем оставил. Все сведения о Вассиане, относящиеся к рассматриваемому времени, ограничиваются упоминанием его имени в одной данной грамоте, рассказом двух публицистических памятников об его противодействии разводу и второму браку Василия III и, наконец, материалами судебных процессов Вассиана и Максима Грека, которые дают ценный материал для характеристики мировоззрения Вассиана, но не сообщают никаких биографических данных. Между тем именно в эти годы положение Вассиана резко меняется: он теряет расположение великого князя и в конце концов предстает перед соборным судом по обвинению в «хуле» и «ереси». Понять судьбу Вассиана можно только в связи с политической и идеологической борьбой того времени.

В начале 20-х годов обостряется внешнеполитическое положение Русского государства. В 1521 году на престол Казанского ханства был посажен ставленник Крыма Сагиб-Гирей. В том же году имел место объединенный поход казанских и крымских татар на Москву. Внешнеполитические

¹⁰⁵ Как мы уже отмечали, единственное крупное отступление от политики ограничения феодального иммунитета в рассматриваемый период правления Василия III имело место в 1515—1518 годы, когда щедрые тарханные грамоты получили Иосифо-Волоколамский и Селижаров монастыри, а также Изосимины Клинская пустынь, чьи вотчины находились преимущественно в пределах ликвидированного в 1513 году Волоцкого удела (о причинах этого отступления см. ниже, стр. 74).

осложнения создали благоприятные условия для оживления реакции внутри страны¹⁰⁶. Последний рязанский князь Иван Иванович в 1521 году попытался выйти из зависимости от великого князя московского, вступив в сношения с татарами¹⁰⁷; попытка закончилась сведением рязанского князя с престола и присоединением Рязани к Москве. Собираясь отъехать в Литву удельный князь новгород-северский, потомок знаменитого Шемяки; но Шемячич был заманен в Москву и там в 1523 году схвачен¹⁰⁸. Эти факты свидетельствуют о наличии оппозиции великокняжеской власти, связанной с княжескими и удельно-княжескими центрами. Оппозиционные настроения захватывают и какие-то элементы боярства, недовольные самодержавными устремлениями великого князя. Эти настроения были вскрыты известным судебным процессом Берсена Беклемишева, который жаловался, что «старые обычаи князь великий переменял» и «запершия сам третий у постели всякие дела делает»¹⁰⁹.

На фоне всех этих событий происходит идеологическая переориентация правительства Василия III, который порывает с нестяжателями и заключает союз с иосифлянами: в 1523 году Варлаама на митрополичьей кафедре сменяет Даниил, бывший игуменом Волоколамского монастыря после смерти Иосифа Волоцкого; в 1525 году соборному суду был предан Максим Грек, взгляды которого на монастырское землевладение совпадали со взглядами нестяжателей; в 1531 году перед соборным судом предстал и Вассиан.

В литературе разрыв Василия III с нестяжателями объясняется оппозиционностью их по отношению к растущему самодержавию и связями с феодальной оппозицией, активизировавшейся в 20-е годы. Однако сведений об оппозиционных выступлениях Вассиана или других идеологов нестяжательства в распоряжении исследователей не имеется, и поэтому для доказательства вышеприведенного положения ссыла-

¹⁰⁶ И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III. Исторические записки АН СССР, т. 27, 1948, стр. 18—44.

¹⁰⁷ Отрывок розыскного дела о бегстве из Москвы рязанского князя Ивана Ивановича. АИ, т. I, СПб., 1841, № 27.

¹⁰⁸ Дело о князе Василии Ивановиче Шемякине. ААЭ, т. I, № 124; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222.

¹⁰⁹ Отрывок следственного дела об Иване Берсене и Федоре Жареном. ААЭ, т. I, № 172.

Под 1522 годом летопись сообщает о «поиманьи» воевод: князя Василия Шуйского, князя Ивана Перемышского, Григория Фомина, Василия Андреева, сына Ксрובה, Ивана Поплевина (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 264). Послужили ли причиной «поиманья» воевод проступки военные или политические, сказать трудно.

ются обычно на следующие данные: 1) сообщение Герберштейна о нежелании митрополита Варлаама оказать великому князю содействие в поимке Шемячича, 2) рассказ публицистических памятников о противодействии Вассиана и Максима Грека разводу и второму браку Василия III, 3) близость Вассиана к Максиму Греку. Проверим основательность этих аргументов.

Остановимся сначала на вопросе об отношении митрополита Варлаама к делу Шемячича. Сведения о связи между делом Шемячича и оставлением кафедры митрополитом Варлаамом имеются только у Герберштейна, который сообщает, что «когда государь нарушил клятву, данную им и митрополитом князю Шемячичу, и допустил нечто другое, что, по видимому, и являлось нарушением власти митрополита», то последний отказался от своего сана, после чего был отправлен в ссылку¹¹⁰. Из рассказа Герберштейна следует, что конфликт между Варлаамом и Василием III имел место после того, как Шемячич был схвачен, так как под «нарушением клятвы» можно понимать только арест Шемячича в Москве, куда он приехал, положившись на крестоцеловальную грамоту великого князя и митрополита, гарантировавшую ему безопасность и неприкосновенность. Пойман же Шемячич в Москве был уже при митрополите Данииле, в мае 1523 года¹¹¹, и грамота, которую нарушил Василий III, была подписана также Даниилом¹¹². Таким образом, в рассказе Герберштейна имеются грубые ошибки. А между тем Герберштейн писал в 1526 году, и его русские собеседники, дававшие ему информацию о событиях недавнего прошлого, не могли не помнить, когда и при каких обстоятельствах был схвачен Шемячич. Все это заставляет думать, что Герберштейну была дана заведомо неправильная информация о событиях 1522—1523 годов, имевшая целью очернить великого князя и митрополита Даниила (в этой связи укажем, что вслед за рассказом о конфликте между великим князем и Варлаамом Герберштейн передает слухи о Данииле, далеко для него не лестные). Несомненно, что информацию подобного рода Герберштейну могли дать только оппозиционно настроенные по отношению к великому князю лица. Но тот факт, что имя Варлаама было использовано оппозиционными элементами в своих интересах, не означает еще, что Варлаам действительно

¹¹⁰ С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 41.

¹¹¹ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222.

¹¹² Отрывок следственного дела об Иване Берсене и Федоре Жареном. ААЭ, т. I, № 172.

был с ними связан. Причины конфликта великого князя с Варлаамом неизвестны. Но рассказ Герберштейна не может служить доказательством связей с феодальной оппозицией ни Варлаама¹¹³, ни тем более нестяжателей.

Очевидно, и с точки зрения великокняжеского правительства дело Шемячича и конфликт Василия III с Варлаамом не давали поводов для зачисления нестяжателей в лагерь феодальной оппозиции. Поэтому после удаления Варлаама и поимки Шемячича глава нестяжателей Вассиан продолжал оставаться ближайшим доверенным лицом великого князя, о чем свидетельствует духовная грамота последнего. В июне 1523 года, отправляясь в поход на Казань, Василий III взамен прежней духовной грамоты за подписью и с печатью митрополита Варлаама составил новую духовную грамоту, по которой «приказывал» прежнюю грамоту митрополиту Даниилу и, кроме того, делал некоторые дополнительные распоряжения относительно строившегося тогда в Москве Девичьего монастыря. На грамоте после подписи Даниила следует запись о свидетелях, при которых духовная была составлена: «А коли есми сию запись писал, и тогда был у отца нашего Даниила, митрополита всеа Руси, у сеи записи старец Васьян, княж Иванов, да отец мой духовной Василей, протопоп благовещеньской»¹¹⁴. Эта запись красноречиво свидетельствует о том высоком доверии, которым Вассиан продолжал пользоваться со стороны великого князя в период обострения борьбы с удельно-княжеским сепаратизмом. Вряд ли такое доверие могло бы иметь место, если бы Вассиан отрицательно относился к стремлению великого князя решительно подавить феодальную оппозицию.

Второй аргумент в пользу тезиса об оппозиционности нестяжателей и, в частности, Вассиана заключается в отношении его к вопросу о разводе и втором браке Василия III. Этот

¹¹³ Для характеристики политического лица Варлаама более существенными, нежели страдающий фактическими ошибками рассказ Герберштейна, представляются нам те обстоятельства, при которых Варлаам стал митрополитом: он занял кафедру вскоре после конфликта между Василием III и его братьями, удельными князьями, сменив «печаловавшегося» за удельных княжичей митрополита — иосифлянина Симона (см. выше, стр. 58). Очевидно, Василий III считал Варлаама лицом, на которого в борьбе с удельными князьями великокняжеская власть могла положиться. Отметим, что так же оценивает приход к власти Варлаама и новейший исследователь внутренней истории Русского государства первой трети XVI века С. М. Каштанов (см.: С. М. Каштанов. Ук. соч., стр. 292—293).

¹¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, № 100, стр. 145.

вопрос взволновал все русское общество, ибо, как справедливо отмечают исследователи, в условиях русской действительности XVI века он неизбежно перерастал рамки чистой этики и превращался в вопрос политический — «о том, что сильнее: власть государя или вековой обычай, утвержденный церковью». Исследователи считают, что «размежевание сил в этом вопросе было достаточно определенным. Иосифляне (в первую очередь, митрополит Даниил) поддерживали развод Василия с бездетной женой. Нестяжатели были против насильственного пострижения и развода и вторичного брака великого князя»¹¹⁵. Проанализируем источники, на которых строится приведенное выше суждение.

Наиболее подробные сведения о борьбе, разгоревшейся в связи с разводом великого князя, дает любопытный памятник публицистики XVI века «Выпись из государевой грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради, творение Паисеино, старца Ферапонтова монастыря». Выпись состоит из трех частей. В первой части рассказывается о намерении Василия III развестись со своей первой женой, Соломонией Сабуровой, из-за ее бесплодия, о противодействии Вассиана разводу, об опале на него вследствие этого великого князя и об осуждении Вассиана и Максима Грека соборным судом. Во второй части сообщается об отрицательном ответе четырех вселенских патриархов на послание Василия III о предполагаемом разводе и о решении митрополита Даниила, несмотря на это, великого князя развести. В третьей части, озаглавленной «Послание Святыя горы инок», рассказывается о соборе афонских монахов, собранном для составления ответа на грамоту Василия III о разводе; эта часть не закончена, и каков был ответ афонских монахов, остается неизвестным¹¹⁶.

После издания «Выписи...» автором ее считали Паисия Ярославова, жившего одно время в Ферапонтовом монастыре, и самую «Выпись...» рассматривали как произведение, близкое по времени к описываемым в нем событиям¹¹⁷. Однако имеющиеся в «Выписи...» хронологические и фактические ошибки (отнесение суда над Максимом Греком и Вассианом, который был в 1531 году, ко времени «вскоре» после опалы на Вассиана из-за противодействия его разводу в 1525 году)

¹¹⁵ Очерки истории СССР. Конец XV в. — начало XVII в., стр. 111.

¹¹⁶ ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 1—8.

¹¹⁷ Версия об авторстве Паисия Ярославова окончательно отпадает после того, как А. А. Зиминым была установлена дата его смерти — 1505 год (см. выше, стр. 27, прим. 67).

заставили исследователей датировать «Выпись...» более поздним временем. Е. Е. Голубинский, основываясь на имеющемся в ответе патриархов предсказании иерусалимского патриарха Марка о том, что сын Василия III от второго брака будет мучителем и грабителем, считает, что «Выпись...» следует отнести ко второй половине царствования Ивана IV¹¹⁸. Интересные суждения об авторе и времени возникновения «Выписи...» высказывает М. Н. Тихомиров, обративший внимание на сложный состав памятника и его несомненную связь с Афоном. Основываясь на ранее неизвестных списках «Выписи...», где автор ее, Паисий, назван старцем «Серапонского» монастыря, и используя греческие источники, М. Н. Тихомиров полагает, что Паисий — это старец афонского Серапотанского монастыря, имя которого упоминается в афонских актах под 1544 годом, и что «Выпись...» следует датировать сороковыми годами XVI века¹¹⁹.

Мнение М. Н. Тихомирова о связи «Выписи...» с Афоном вполне убедительно, ибо только при этом предположении становятся понятны хорошее знакомство автора «Выписи...» с жизнью Афона и наличие в ее тексте целого ряда восточных слов. Однако мы полагаем, что с Афоном 40-х годов XVI века можно связывать возникновение лишь какого-то первоначального неизвестного нам вида произведения. Что касается той редакции «Выписи...», в какой она до нас дошла, то вряд ли она могла появиться ранее второй половины XVI века. В пользу этого мнения, помимо наблюдения Е. Е. Голубинского над имеющимся в «Выписи...» предсказанием о царемучителе, свидетельствует и сопоставление «Выписи...» с таким ярким памятником публицистики второй половины XVI века, как «Сказание о великом князе московском» Андрея Курбского.

У Курбского и в «Выписи...» излагается одна и та же версия о причинах опалы Вассиана: гнев на него великого князя за противодействие намерению великого князя развестись с первой женой и вступить во второй брак; причем, согласно версии обоих памятников, Вассиан был сразу же брошен в заточение¹²⁰. У Курбского, так же как и в «Выписи...», жестокость Грозного, склонность его к тирании объясняется как неизбежное следствие преступного брака Василия III: «прелюбодеяния» — по «Выписи...» и «законопреступления и сла-

¹¹⁸ Е. Е. Голубинский. Ук. соч., стр. 733.

¹¹⁹ М. Н. Тихомиров. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III. Сборник ОРЯС, т. 101, № 3, 1926, стр. 91—94.

¹²⁰ А. Курбский. История о великом князе московском. РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 162—164; ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 5.

дострастия» — по Курбскому¹²¹. Под одним углом зрения в обоих памятниках изображается и царствование Грозного. В «Выписи...» предсказывается, что наследник Василия III «всё попрает, и роды Сарападасийсти, рекше боярьести, и стратигове, и племенника Лаковрича, и вси Урдюкеле, рекше християне, во страсе и утесняеми будут... и будет грабитель чюжаго имения, моль же поядает ризы, а чюжаго имения грабление и свое все истребит, и наполнится твое царство страсти и печали, и будут в та лета убивания многа и муки величеству Сарападасийских родов, и юнош нещадение, и ово на кола, а иным усечение главы, и затоцы без милости, и многи гради огнем попрани будут»¹²². Нарисованная в предсказании в общих чертах картина «мучительств» Ивана IV в «Истории...» Курбского как бы раскрывается, конкретизируется, связывается с определенными лицами и событиями. Но в обоих памятниках изображение царствования Грозного одинаково враждебное. Все это наводит на мысль не только об одновременном (в один исторический период) возникновении рассматриваемых памятников, но и позволяет поставить вопрос о влиянии одного из них на другой. Но этот вопрос требует специального исследования и выходит за рамки настоящей работы.

Для целей же нашего исследования важно одно: версия о противодействии Вассиана второму браку и об опале его вследствие этого встречается лишь в двух поздних публицистических памятниках, имеющих определенную политическую окраску. Авторы этих памятников, враждебные Ивану IV, стремились изобразить черными красками даже обстоятельства, предшествовавшие его рождению. Не являлась ли средством для этого версия об опале и заточении Вассиана из-за противодействия его второму браку Василия III — версия, поводом для возникновения которой могло послужить то обстоятельство, что Вассиан был родственником Сабуровых, из рода которых происходила Соломония, первая жена Василия III?

Для правильной оценки этой версии следует также иметь в виду одну характерную особенность публицистических памятников второй половины XVI века, рисующих взаимоотношения боярства с великокняжеской властью в более ранний период. Эту особенность тонко подметил Л. В. Черепнин. Анализируя известия Ивана IV и Андрея Курбского о боярской оппозиции времен Ивана III, Л. В. Черепнин вскрывает

¹²¹ РИБ, т. XXXI, стр. 164; ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 5.

¹²² ЧОИДР, 1847, № 8, стр. 5.

их чрезвычайную тенденциозность, стремление «подчеркнуть реакционность политических настроений московского боярства еще в XV веке». По мнению Л. В. Черепнина, «те оценки, которые дают и Курбский и Грозный во второй половине XVI века боярству Ивана III, не могут дать правильного представления о реальных внутриклассовых взаимоотношениях в конце XV века». Реально в конце XV века ряд представителей московского боярства, к числу которых Л. В. Черепнин относит и Патрикеевых, поддерживали политику государственной централизации, проводившуюся великокняжеской властью. Что касается оценок Грозного и Курбского, то они были порождены острой борьбой между самодержавием и боярством, разгоревшейся во второй половине XVI века, и стремлением борющихся сторон подкрепить свои позиции указанием на непрерывность политических настроений боярства. Но если, говоря словами Л. В. Черепнина, «бояре, оппозиционные самодержавию Грозного, пытались идейно связать себя со своими предками, действовавшими при Иване III»¹²³, то тем более они должны были стремиться сделать это по отношению к боярству времен Василия III. Вассиан Патрикеев подвергся при Василии III опале и был осужден соборным судом. Это давало враждебным самодержавию боярам в лице Курбского и неизвестного составителя окончательной редакции «Выписи...» удобный повод для зачисления его в число своих «предков», боровшихся против всевластия великих князей московских. А то обстоятельство, что Вассиан был родственником Сабуровых, могло послужить, как мы уже указывали, основанием для возникновения версии о его решительном противодействии разводу и второму браку Василия III и об опале на него из-за этого.

Недостоверность рассматриваемой версии легко доказывается путем обращения к актовому материалу времени Василия III. В архиве Кирилло-Белозерского монастыря сохранилась грамота Василия III ростовскому архиепископу Кириллу о неподсудности ему иноков «Ниловой Сорской пустыни». Содержание этой грамоты, датированной 14 сентября 1526 года, очень интересно. Она была дана великим князем по челобитию Вассиана («бил ми челом старец Васьян — князь Иванов, сын Юрьевича»), жаловавшегося на то, что ростовский архиепископ посылает своих приставов в «Нилову пустынь» для суда над ее иноками. Великий князь запретил

¹²³ Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 317—320.

архиепископу поступать подобным образом, а грамоту велел отдать старцам «Ниловой пустыни»¹²⁴.

Рассматриваемая грамота показывает, что уже после развода и второго брака Василия III Вассиан продолжал занимать достаточно влиятельное положение: он обратился к великому князю с жалобой на одного из высших иерархов русской церкви, и великий князь эту жалобу удовлетворил. Грамота свидетельствует также о благожелательном отношении к нестяжателям со стороны великого князя, охотно оказавшего им защиту против самоуправства ростовского архиепископа. Вряд ли подобная благожелательность могла бы иметь место, если бы нестяжатели выступали с протестом против развода и второго брака великого князя или какого-либо другого его действия.

Показывая недостоверность версии о противодействии нестяжателей разводу и второму браку Василия III, мы отнюдь не отрицаем возможности того, что со стороны Вассиана, так же как и других близких великому князю лиц, имело место осуждение поступка великого князя, как выходящего за рамки традиционной этики. Но дело в том, что подобное осуждение было распространено и среди иосифлян, о чем свидетельствует любопытный рассказ «О пострижении благоверныя великия княгини Соломаниды», имеющийся в Типографской летописи. Согласно этому рассказу, великая княгиня Соломония, «видя неплодство из чрева своего», начала молить великого князя позволить ей постричься в монахини. Великий князь отверг ее просьбу. Тогда Соломония просила митрополита Даниила быть ходатаем за нее перед великим князем. Даниил «слез ея не презре» и молил великого князя поступить по желанию своей супруги. Только «по молению» митрополита великий князь дал согласие на пострижение Соломонии¹²⁵.

Этот рассказ, имеющий явно иосифлянскую окраску, показывает, что иосифляне отнюдь не оправдывали (а скорее стыдились) поступка митрополита и великого князя и грубо извращали истину, стремясь представить насильственный постриг Соломонии результатом ее доброй воли. Осуждение поступка Василия III как безнравственного могло иметь место и среди нестяжателей, но версия о противодействии их разводу и второму браку великого князя не имеет под собой, как мы постарались показать, никаких сколько-нибудь прочных историкоисторических оснований.

¹²⁴ ААЭ, т. I, № 173.

¹²⁵ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222—223.

Перейдем к рассмотрению третьего аргумента, который обычно приводится в доказательство принадлежности нестяжателей к феодальной оппозиции,—указанию на близость к нестяжателям Максима Грека.

Между нестяжателями и Максимом Греком действительно имелись точки соприкосновения. Их сближало отрицательное отношение к стяжательской деятельности монастырей; Вассиана и Максима Грека соединяли и личные связи, возникшие в результате совместной работы над составлением Кормчей и исправлением богослужебных книг¹²⁶. В то же время Максим Грек был связан и с реакционными феодальными элементами: это у него в келье недовольный великим князем сын боярский Берсень Беклемишев вел свои оппозиционные речи. На суде Максиму Греку, помимо обвинений религиозного характера, были предъявлены и обвинения политические: в изменнических сношениях с турецким послом и отрицательных отзывах о великом князе. Не касаясь сейчас очень сложного вопроса о мировоззрении Максима Грека и о том, насколько справедливы были предъявленные ему политические обвинения (суждения по этому вопросу противоречивы)¹²⁷, отметим, что общность культурных интересов и совпадение взглядов на некоторые вопросы церковной жизни не являются еще достаточным доказательством единства взглядов политических. Это, кстати сказать, прекрасно понимал келейник Максима Грека, Афанасий, четко отделявший лиц, которые вели с Максимом Греком разговоры о книгах, от лиц, беседовавших с ним по вопросам, не предназначенным для посторонних. На допросе по делу Берсеня Беклемишева, давая сведения о посетителях Максима, Афанасий, перечислив ряд имен, показал: «и они говаривали с Максимом книгами и спиралися меж себя о книжном, и нас тогда Максим и вон не высылает; а коли к нему придет Берсень, и он нас вышлет тогда всех вон, а с Берсением сидят долго один на один»¹²⁸. Таким образом, связь Максима Грека с оппозиционными элементами не означает еще, что все лица, с которыми он был близок в силу общности культурных интересов и одинакового отношения к некоторым явлениям общественной жизни, обязательно были причастны к феодальной оппозиции.

¹²⁶ О связях нестяжателей с Максимом Греком см.: В. И. Ржигала. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. ТОДРЛ, т. I, 1934.

¹²⁷ Обзор мнений по этому вопросу см.: И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 142—144, прим. 1 и 2.

¹²⁸ ААЭ, т. I, № 172, стр. 141.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении данные не дают оснований для зачисления нестяжателей в лагерь феодальной оппозиции. Но если это так, то чем же тогда объяснить сближение Василия III с иосифлянами, которое имело место в 20-е годы? Безусловно, что переориентация правительства Василия III была вызвана изменением политического положения страны. В условиях обострения борьбы с феодальной реакцией великокняжеское правительство должно было отказаться от планов решения земельного вопроса за счет церкви, ибо это грозило серьезным конфликтом с нею. Создававшаяся обстановка требовала мобилизации всех сил для борьбы с оппозиционными элементами, и Василий III пожертвовал нестяжателями для того, чтобы заручиться поддержкой церкви.

Сделанный вывод подтверждается наблюдениями над имунитетной политикой Василия III. С. М. Каштанов, автор уже упоминавшегося нами исследования, посвященного изучению имунитетной политики русского правительства в первой трети XVI века, показывает, что хотя для имунитетной политики Василия III на всем протяжении его княжения было характерно стремление к ограничению прерогатив вотчинников, но со второй половины 10-х годов наряду с этой основной линией появляется побочная, которая заключалась в укреплении имунитета крупнейших, преимущественно иосифлянских, монастырей. Эта линия свое развитие получает в 20-е годы после прихода к власти митрополита Даниила. Появление и развитие этой линии С. М. Каштанов связывает в частности с задачей борьбы с удельно-княжескими центрами: льготные грамоты получали главным образом те монастыри, владения которых были расположены либо на территории ликвидированных уделов, либо по соседству с владениями удельных князей, и получали они их обычно в периоды конфликтов великого князя с удельными¹²⁹.

Отказ великого князя от политики последовательного наступления на вотчинные права церкви и от союза с нестяжателями иосифляне оплатили проведением в жизнь принципа беспрекословного служения воле монарха. В 1523 году митрополит Даниил, нарушив крестоцелование, помог великому князю поймать Шемячича. В 1525 году, вопреки церковным законам, Даниил развел Василия III с первой женой и об-

¹²⁹ С. М. Каштанов. Ограничение феодального имунитета правительством Русского централизованного государства в 1-й трети XVI века. стр. 286—296.

венчал вторым браком с Еленой Глинской. Таким образом, только в 20-е годы окончательно завершается политическая эволюция иосифлянства, и оно становится тем, чем его принято считать в литературе, — послушным орудием в руках самодержавия.

Сближение с великокняжеской властью иосифляне использовали для того, чтобы рассчитаться со своим заклятым врагом. Мы не знаем, какие старания они приложили, чтобы получить у великого князя согласие на предание Вассиана суду. Но в конце концов своего они добились: 11 мая 1531 года Вассиан предстал перед соборным судом.

Сохранившийся список судебного дела Вассиана показывает, что иосифлянское руководство русской церкви к суду готовилось долго и тщательно. Организаторы суда заранее приготвили обширную подборку цитат из богословской литературы, которые должны были доказать виновность Вассиана. Митрополит Даниил, председательствовавший на суде и одновременно выступавший в роли обвинителя, настолько тщательно ознакомился с сочинениями Вассиана, что инкриминировал последнему отступления от церковных канонов не только по существу, но и в написании отдельных слов и выражений.

Свою речь митрополит начал с обвинения Вассиана в составлении новой Кормчей книги. Торжественно декларируя святость и незыблемость старой Кормчей, которую никто не смел ничем «поколебати от седмаго собора до руского крещения» и от русского крещения в течение более пятисот лет, митрополит обвинил Вассиана, что он из Кормчей «малую сию некую часть» к его «малоумию угодна написал, а иная вся розметал» и «развратил»¹³⁰. Митрополит не преминул напомнить Вассиану и его кощунственный отзыв о канонической Кормчей: «И во многих времена многим людем говорил еси: Правила писаны от диявола, а не от святого духа, и правило зовещи криво, а не правило»¹³¹. Отдельные места из Кормчей Вассиана были прочитаны как доказательство «развращения» им святых правил. В вину Вассиану было поставлено и покровительство Максиму Греку, который якобы с его ведома делал неправильные переводы с греческого. Много места в судебном деле Вассиана занимает обвинение его в ереси — в том, что он называл Христа тварью и одновременно утверждал, что плоть Христа и после воплощения его была нетленна.

¹³⁰ Наст. изд., стр. 285—287.

¹³¹ Наст. изд., стр. 287.

Однако за всеми религиозно-догматическими рассуждениями митрополита явственно проступает основной «земной» стержень обвинения — обвинение в отрицании вотчинных прав монастырей. «Писал еси во своих правилах: иноком жити по Еуангелию, сел не дрѣжати, ни владети ими... Ино то еси божественное писание и священныя правила оболгал»¹³², — говорил митрополит, обращаясь к Вассиану.

На суде Вассиан держался с высокомерным спокойствием. Он не каялся и не просил пощады, хотя исход суда для него, конечно, был ясен. На длинные обвинения митрополита Вассиан отвечал очень коротко, либо принимая их, либо парируя колкими репликами. По поводу главного обвинения — в агитации, направленной против вотчинных прав монастырей, Вассиан коротко и твердо ответил: «Яз писал о селех — во Еуангелии писано, не велено сел монастырем дрѣжати»¹³³. Так же Вассиан подтвердил и свои суждения о нетленности плоти Христа: «Яз, господине, как дотолє говорил, так и ныне говорю»¹³⁴. На ряд других обвинений Вассиан не счел нужным даже отвечать по существу, ограничиваясь ироническими замечаниями в адрес своего противника. Так, на обличительно-грозный вопрос митрополита: «Предо мною, митрополитом, и перед владыкы, преже нынѣшняго собора назвал еси божественное правило кривило?» — Вассиан ответил лишь пренебрежительной издевкой: «Ино волен бог да ты»¹³⁵. Когда же в связи с отрицанием Вассианом святости новых чудотворцев, митрополит стал доказывать, что власть их божественного происхождения, Вассиан язвительно заметил: «Ино, господине, ведает бог да ты и со своими чюдотворцы»¹³⁶. Подобные ответы Вассиан давал и на целый ряд других обвинительных пунктов, ограничиваясь ироническими замечаниями по поводу длинных заранее подготовленных речей митрополита. Не стал сдерживать Вассиан на суде и свою ненависть к иосифлянам. Когда митрополит привел показания одного из старцев Волоколамского монастыря о беседах с Вассианом, он с гневом ответил: «Иосифова монастыря у меня старци и в кельи не бывали — яз их к себе не пушаю, и дела мне до них нет»¹³⁷.

Конец судного дела Вассиана не сохранился, а потому приговор суда неизвестен. По сообщению Курбского, Вассиан

¹³² Наст. изд., стр. 292.

¹³³ Наст. изд., стр. 287.

¹³⁴ Наст. изд., стр. 298.

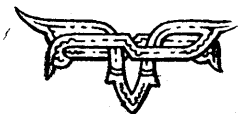
¹³⁵ Наст. изд., стр. 297.

¹³⁶ Наст. изд., стр. 297—298.

¹³⁷ Наст. изд., стр. 296.

был отдан в руки тех самых старцев, которых он не пускал к себе в келью. Он был отправлен в заточение в Иосифо-Волоколамский монастырь, где «презлые иосифляне» «по мале времени его уморили»¹³⁸.

Иосифляне расправились с Вассианом за его нападки на монастырское стяжание, за борьбу против вотчинных прав монастырей. Чтобы добиться осуждения Вассиана, они собрали всевозможные улики и предъявили длинный список обвинений — в «хуле» на чудотворцев, «развращеньи» Кормчей, «оболганыи» святого писания, ереси и т. д. Но среди всех этих обвинений не было ни одного политического. Очевидно, никаких поводов для предъявления таковых у обвинителей не имелось.

¹³⁸ А. Курбский. Ук. соч., стлб. 164. — О заточении Вассиана в Волоколамском монастыре и о его смерти там сообщает также «Письмо о не-любках» (см.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 369).